

Поэзия мучительной совести.

Бывает так: от новой книги протягивается неожиданная нить в далекое прошлое.

И, следуя мысленно по этой нити, воскрешается в воображении подробностей пережитого, которая сама могла бы считаться навсегда забытыми.

Вспоминаются слова, нечаянно оброненные, и случайные поступки, которые, однако, не пропали бесследно, а наши жизни откликнулись в другой душе.

И порою эта другая душа посылает свой призыв из много, недавнего мира на страницах книги, такой живой и одновременно столь внятно говорящей.

Я думаю все это, глядя на раскрытый передо мною сборник „Посмертные стихи“ Инокентия Анненского, вышедший в свет в этом году из Петроградского издательства „Картоновый домик“.

Отъ появля в мои руки совести, нечаянно. Могъ и не попасть... Если судьба книга — загадочна вообще, то судьба пережитых русских книг — таинственна вдвое своей некомпьютерной доходчивостью къ читателю.

Это слово „незаконнѣность“ въ применении къ изданию книги своего автора — особенно соотносительно въ отношении соизволеній изданий, которыми именъ такъ мало доступны.

Сначала совѣтская власть не прокусила изъ словъ вовсе, затѣмъ стали обвинять за заграничнымъ нападкомъ въ выщипываніи своей и къ сугубой невыгодѣ нашей и, наконецъ, теперь продрогать, но уже въ полномъ смыслѣ слова на вѣсь золота.

Извольте при такихъ условіяхъ сидѣть на новизнахъ русскаго книжнаго рынка.

Какъ бы то ни было, а книжка стиховъ Инокентія Анненскаго меня нашла, чѣмъ доставляла мнѣ несказанную и грустную радость.

Да, грустную радость погруженія въ невозвратное прошлое, неразрывно связанное для меня съ авторомъ этой книги, обязательнымъ и проникновеннымъ Инокентіемъ Федоровичемъ.

Это было большое счастье, знать его именно вымышленнымъ Инокентіемъ Федоровичемъ, а не накрашеннымъ инспекторомъ ястербургскаго учебнаго округа, не ученымъ переводчикомъ Еврепидомъ, не „шалтб'омъ“ въ редакціи журнала „Аполлонъ“.

Отъ былъ прекрасный, такой многогранный и всеотзывчивый, человекъ — въ высокомъ значеніи этого слова. Семь послѣднихъ лѣтъ его жизни я пользовался его дружественной близостью и когда-нибудь надѣюсь рассказать о немъ многое.

Слѣдуетъ то, что проспектировалось еще тридцать лѣтъ тому назадъ, когда была издана сборникъ воспоминаній объ Анненскомъ — человекѣ, поэтѣ, критикѣ, ученомъ эллинистѣ.

Онъ не состоялся, этотъ сборникъ, а между тѣмъ, кругъ близкикъ къ Анненскому лицъ сильно порѣдѣлъ. И скоро уже некому будетъ поразсказать о немъ.

Ушелъ изъ жизни его братъ, пользовавшійся всероссійской известностью радикальнымъ публицистѣ Н. Ѡ. Анненскій.

Ушелъ и другъ его В. Г. Королюшко. Ушелъ такъ глубоко его чувствовавшій и всегда возмывавшій профессора-историкъ П. П. Митрофановъ.

Введенъ въ расходъ его ученикъ Н. С. Гумилевъ, обронившій объ учителѣ грустныя и многозначительныя слова:

„Былъ Инокентій Анненскій — послѣдній изъ царскосельскихъ лебедей...“

Это случилось зимою 1906 года, когда колыбельныя событія смыслили другъ друга съ говорушеческою быстротою, и люди, вполнѣ нейтральные, мимовольно втягивались въ ихъ круговоротъ.

Анненскій не разделялъ этой — почти общей — судьбы. Но чувствовалось, что онъ переживаетъ общественно политическія потрясенія очень болѣзненно.

Помню, въ редакціи „Слова“, гдѣ я тогда заведывалъ литературнымъ отдѣломъ, была ярисана книжка Климова „Расправа и разстрѣлы“.

Въ ней съ жуткими подробностями разсказывалось о карательныхъ экспедиціяхъ вообще и въ частности — о кровавыхъ усмиреніяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Очень скоро книжка эта стала библиографическою рѣдкостью, потому что была конфискована министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и, помнится, вредна уничтожена.

Вотъ эту-то книгу увидѣла случайно у меня въ рукахъ Анненскій и попросилъ давъ прочесть. Не думаю о послѣдствіяхъ, я охотно далъ ее.

Прошло нѣсколько дней... Заблѣлъ я къ Анненскому въ Царское Село. Подозрѣвался со мною, Инокентій Федоровичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, вернувшись черезъ минуту, возвратилъ мнѣ очерки Климова.

„Вольше неспитые мозги большому сердцу принесли эта книга — сказала она задумчиво. — Мнѣ тяжело было бы читать часть, продрогать ее у себя, потому-то и я торопилась съ ея отдачей...“

И прибавилъ: — Какой кошмарной укоризной должна быть каждая ея страница для всякаго живъ-насъ...“

Прошла долгіе годы, совершенно заглохнувшие этотъ небольшой эпизодъ въ исторіи моего знакомства съ Анненскимъ. И это тѣмъ болѣе, что къ автору тогда скорбной темѣ онъ никогда болѣе не возвращался.

Въ разговорахъ — да... А наединѣ съ самимъ собой?

Жуткій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одно изъ его воспоминаній — стихотвореній — „Старая естонка“, найденное мною въ его посмертныя, только что вышедшемъ сборникѣ. Привожу его возможностью. Въдѣ, кромѣ художественно-психологическаго, оно имѣетъ еще и мѣстный интересъ.

„Если ночь — торемы и глуха, если сны — лютаны и тонка, такъ и знай, что ужъ близки старухи, изъ-подъ Ревеля близки естонки.“

„Вотъ вошпи, присвѣдѣтъ такъ строго, не убитъ мнѣ отъ долгаго пѣвня, ихъ олежда — тена и убога, я въ котомкѣ у каждой — пошню.“

„Знаю, завтра отъ тинойной жутки буду самъ на себя непохожимъ... Сколько разъ я яросилъ ихъ: „Забудете!“... И читалъ ихъ вънос; „Не можемъ!“...“

„Какъ асмад, эти лица не смужутъ, что въ сердцахъ похоронено вѣры. Не глядитъ на меня — только вьжутъ свой чулокъ бесконечный и сѣрый.“

„Но убиты — стоились въ сторонѣ... Не не болсъ: присядь на кровати... Только тутъ не ошибка ль, естонка? Есть куда же меня виноватѣй.“

„Но врисяи, такъ давайте калкяать, — не часы жѣ, не умѣемъ мы такать... Можете быть, вы хотѣли бы полавать? Такъ тихонько, неслышно... похнывать? Или отъ вѣтру глаза ваши пузли, точно лочки березъ въ могилѣ... Вы молчите, печальныя кукулы... Синошей зашкѣтъ... Я жѣ не казнилъ ихъ...“

„Я, вавротивъ, я очень жалѣлъ ихъ, прочитавъ въ сѣрдобольныхъ газетѣхъ.“

Про себя я молился за смѣлыхъ, и спешившихъ быть въ яркыхъ газетѣхъ. „Затрися голованы естонки... Ты жалѣлъ ихъ... На что жѣ твою жалость, если надымъ кручи твоей — толпи, и на разу она не сжмывалась...“

„Синѣ крѣпко плачѣтъ съ малачикою! Улыбайтесь другъ другу любимиѣй! Ты жѣ, о ижжый, ты кроткій, ты тихій — въ цѣломъ мѣрѣ тебя нѣтъ виновенъ!... Добродѣтель... Таю добродѣтель... мы осѣляли вьаваны, а вьажѣтъ...“

„Погоди — вотъ наконисъ патель, такъ словечко придумаемъ, скажемъ...“

... Сонъ всегда отпущался мнѣ скупо, и мнѣ втавы такъ тонки... Но какъ это — печально... и глуло, неотвязная эти естонки...“

Это стихотвореніе Анненскій снабдилъ подзаголовкомъ „Изъ стиховъ кошмарной совѣсти“, и приведенныя слова раскрываютъ все здѣсь неясное.

Анненскій внимательно и долго изучалъ Достоевскаго и былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ гениальнаго творца „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Слѣзи этихъ изученій въ литературномъ наследіи Анненскаго — довольно многочисленны. Кромѣ общей характеристики Достоевскаго, вышедшей въ двойназначительную его смерти въ январѣ 1906 года, перу Анненскаго принадлежатъ два очень цѣнныхъ очерка: „Достоевскій до катстрофи“ и „Достоевскій въ художественной аяологіи“, вошедшихъ въ сборникъ его статей „Книга отрженій.“

Душѣ Анненскаго была особенно близка мысль Достоевскаго о всеобщей этической отвѣтственности за грѣхъ міра.

Слова старца Зосимы въ „Братіяхъ Карамазовыхъ“ о томъ, что „всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ“, разъ и навсегда вранили сердце Анненскаго.

Казалось бы, и общественное возмущеніе, и складъ жизни, и возгорность нѣкоторо поведенія — все не соотносительно въ явенскомъ названіи ковалѣтъ и митущей совѣсти.

А, между тѣмъ, было именно такъ. И если въ жизни несполо отразился Анненскій, прѣмьющій на свои слабости, чѣи тяжесть отвѣтственности за другихъ и открывающій болѣное сердце ковалѣтъ, стравлявъ безпошадной совѣстью, въ своей исключительной органической позивіи отъ врно ричуется съ этой стороны. О томъ же убѣдительно говоритъ и принадлежное выше стихотвореніе „Старая естонка“.

Во многихъ страничкахъ „Такихъ сѣсѣтъ“, „Княжарисово жудѣ“ и „Посмертныя стихотворенія“ чувствуется въ извѣстной степени конгенальность Анненскаго Достоевскому.

Глубина психологическаго вытѣи, устремленіе безстрашныкъ взоровъ въ бездны человеческихъ явленій и выявляющіе надирные явленія, все это было вѣдомо — хотя, конечно, въ рѣной степени — Анненскому, какъ и Достоевскому.

И хочется приравнять отчасти и къ Анненскому тѣ слова, которыми онъ въ свое время пытался охарактеризовать тушность творчества Достоевскаго:

„Въ немъ Совѣтъ сдѣлался профессоромъ и поэтомъ, и Карамазовы, и бѣсы жили въ немъ...“

„Но что для насъ теперь сладкии книжъ святыхъ, то было для него мучительнымъ огнемъ.“

Привать доцентъ СЕРГѢЙ ШТЕЙНЪ.